

Дети войны вспоминают

Никогда не померкнет в веках подвиг, совершенный советским народом в Великой Отечественной войне. Двадцать семь миллионов жизней унесла война. Она не минула ни один дом, ни одну семью. Всюду – на полях боевых сражений и в тылу – ковалось солнце Великой Победы. С тех пор прошло много лет. Но есть вещи, о которых не можем не помнить и не говорить, пока мы живы. Есть вечная память, которая делает нас лучше и добрее.

Из воспоминаний Евгении Белькевич

Июнь сорок первого года... Я запомнила. Я была совсем маленькая, но я все запомнила...

Последнее, что я запомнила из мирной жизни – сказку, мама читала ее на ночь. Мою любимую – о Золотой рыбке. Я всегда у Золотой рыбки тоже что-нибудь просила: «Золотая рыбка... Миленькая Золотая рыбка...». И сестричка просила. Она просила по-другому: «По-щучьему велению, по моему хотению...». Хотели, чтобы мы поехали на лето к бабушке, и чтобы папа с нами поехал. Он такой веселый.

Утром проснулась от страха. От каких-то незнакомых звуков...

Мама с папой думали, что мы спим, а я лежала рядом с сестричкой и притворялась, что сплю. Видела: папа долго целовал маму, целовал лицо, руки, а я удивлялась: никогда раньше он так ее не целовал. Во двор они вышли, держась за руки, я подскочила к окну – мама повисла у папы на шее и не отпускала его. Он оторвал ее от себя и побежал, она догнала и снова не пускает и что-то кричит. Тогда я тоже закричала: «Папа! Папа!».

Проснулись сестричка и братик Вася, сестричка смотрит, что я плачу, и она закричала: «Папа!». Выскочили мы все на крыльцо: «Папа!». Отец увидел нас и, как сейчас помню, закрыл голову руками и пошел, даже побежал. Он оглянуться боялся...

Солнце светило мне в лицо. Так тепло... И теперь не верится, что мой отец в то утро уходил на войну. Я была совсем маленькая, но мне кажется, я осознавала, что вижу его в последний раз. Больше никогда не встречу. Я была совсем... совсем маленькая...

Так и связалось у меня в памяти, что война – это когда нет папы...

Из воспоминаний Тамары Пархимович

Всю войну я думала о маме. Маму я потеряла в первые дни...

Мы спим, а наш пионерский лагерь бомбят. Выскочили из палаток, бегаем и кричим: «Мама! Мама!». Меня воспитательница за плечи трясет, чтобы успокоилась, а я кричу: «Мама! Где моя мама?». Пока она меня к себе не прижала: «Я – твоя мама».

У меня на кровати висели юбочка, белая кофточка и красный галстук. Я их надела, и мы пошли пешком в Минск. По дороге многих детей встречали родители, а моей мамы не было. Вдруг говорят: «Немцы в городе...». Повернули все назад. Кто-то мне сказал, что видел мою маму – убитую.

И тут у меня провал в памяти...

Как мы доехали до Пензы – не помню, как меня привезли в детдом – не помню. Чистые страницы в памяти... Помню только, что нас было много,

ню, как меня привезли в детдом – не помню. Чистые страницы в памяти... Помню только, что нас было много,

спали по двое на одной кровати. Если одна заплакала, то и другая плачет: «Мама! Где моя мама?». Я была маленькая, меня хотела удочерить одна нянечка. А я думала о маме...

Иду из столовой, дети все кричат: «Приехала твоя мама!». У меня в

ушах: «Твоя ма-а-а-ма... Твоя ма-а-а-ма...». Мама мне снилась каждую ночь. Моя настоящая мама. И вдруг – она наяву, но мне казалось, что это во сне. Вижу – мама! И не верю. Несколько дней меня уговаривали, а я боялась к маме подходить. Вдруг это сон? Сон! Мама плачет, а я кричу: «Не подходи! Мою маму убили».

Я боялась... Я боялась поверить в свое счастье...

Из воспоминаний Василия Мингаева

Мне никто не верит... Даже мама не верила... Когда после войны стали вспоминать, она удивлялась: «Ты не мог сам это запомнить, ты был маленький. Тебе кто-то рассказал...»

Нет, я сам помню... Рвутся бомбы, а я цепляюсь за старшего брата: «Жить хочу! Жить хочу!». Боялся умереть, хотя что я мог тогда знать о смерти? Ну что?

Сам помню... Мама отдала нам с

шего солдата... По-моему, это был танкист, вот это точно не скажу... И побежал к нему: «Папа!». А он поднял меня на руки к небу: «Сынок!».

Я все помню...

Я помню, как взрослые говорили: «Он маленький. Не понимает». А я удивлялся: «Какие странные эти взрослые, почему они решили, что я ничего не понимаю? Я все понимаю». Мне даже казалось, что я понимаю больше, чем они, потому что я не плачу.

Война – это мой учебник истории. Мое одиночество... Я пропустил время детства, оно выпало из моей жизни. Я человек без детства, вместо детства у меня была война.

Из воспоминаний Владимира Трибунского

До трех лет я себя не помню. Как мне рассказывали, я родился за год до начала Великой Отечественной войны в городе Баку. Здесь располагалась дивизия военных бомбардировщиков, в которой служил мой отец Александр Николаевич Трибунский, военный летчик в звании капитана ВВС. А вот помню себя уже в 1943 году в таежном сибирском местечке Мингоне на Дальнем Востоке, где стояла воинская авиа часть, в которой мой отец был командиром эскадрильи бомбардировщиков.

Таким образом, непременно спутниками моих детских гуляний на улице были землянки, проходящие строем солдаты да гул военных самолетов.

Позже дивизию, в которой служил отец, перебросили на западный фронт биться с фашистскими захватчиками. После войны отец мало рассказывал о сражениях, в которых он участвовал, но у него было шесть боевых орденов и несколько медалей. Я запомнил две: «За взятие Кенигсберга» и «За взятие Берлина».

А мы с мамой и старшим братом Витей переехали в это время поближе к фронту – в город Ковров Владимирской области. Проживали мы в доме, предназначенном для семей фронтовиков. Мужчин там я не видел до самого конца войны, были только женщины и дети.

Прекрасно помню, как мама с другими женщинами ножом соскребали бумажные полоски с окон, наклеенные крест-накрест на стекла для маскировки, чтобы не привлекать вражеские самолеты-разведчики. В 1944 году в этом уже не было необходимости – Владимирская область была надежным тылом. Голода, как такового, не помню, но по утрам всегда почему-то просил дать погрызть сухую хлебную корочку...

Окончание – на стр. 4.

Дети войны вспоминают

Окончание. Начало — на стр. 3.

С 1944 года на улицах города стало появляться все больше калек в военных шинелях — кто на костылях, кто без руки, а то и вообще безногие, которые передвигались на самодельных дощечках с колесиками. К некоторым женщинам нашего общежития стали возвращаться раненые мужья. Мама, как манну небесную, ждала письма отца с фронта.

И вот, наконец, в мае 1945 года объявили о взятии Берлина и о Победе Красной армии в Великой Отечественной войне. Как-то ночью сквозь сон услышал стук в дверь и мамин крик. Затем лопотанье брата: «Папа! папа!». И вдруг, еще сонный, ощущаю, как кто-то целует меня, прижавшись небритой колючей щекой. ПАПА вернулся с фронта! ЖИВОЙ!

Из воспоминаний Валентины Губелит

Я родилась в январе 1941 года, поэтому воспоминания поистине детские.

Село Осетровка Верхне-Мамонского района Воронежской области, где был сосредоточен Осетровский плацдарм, — одно из ключевых мест в битве за Сталинград. Два моих старших брата были на фронте, сестры немного старше были заняты делами: старшая — на рытье окопов с мамой, остальные — по хозяйству, а я была предоставлена сама себе.

Часто половину дома занимали наши солдаты, которые и спасали меня во время бомбежек, закрывая своими телами. Они говорили: «Она должна выжить». Я и выжила. Все мы и солдаты ели вареную картошку в мундире. Так было быстрее приготовить, потому что дров почти не было.

Что мне запомнилось — это как я долго ходила вокруг мины в виде бабочки, она была красная, с крылышками и желтыми пятнышками. Искушение было велико. Ведь игрушек никаких не было. Но мама сказала: «Увидишь игрушки — не трогай, это мины и смерть». Нам, детям, не надо было объяснять что-то про мины и снаряды, эти знания получались из воздуха. Немцы село не заняли, оно было на нейтральной полосе, но иногда нас посещали немецкие разведчики.

Мне уже было около трех лет. Пришли два разведчика. Жители попрятались кто куда, а я выбралась из соседского подвала и направилась напрямую к ним. Все замерли, так как я невольно выдала место нахождения группы людей — родных и соседей.

У меня были курчавые светлые волосы, и, к удивлению всех, немцы погладили меня по голове, угостили шоколадкой, а я довольная опять пошла к подвалу. К счастью, местонахождение гражданских их не заинтересовало.

Бомбы сыпались на дома часто, а если солдат к ночи возвращалось меньше, чем уходило, всем было понятно...

Ну а когда погнали немцев на запад, как-то жизнь стала веселее. Мы, малыши, бегали за солдатами с криками: «Дядя, дай гильзотку». И если удавалось выпросить, то порох по частям использовался для разжигания сырых дров.

Все остальные вспоминая — послевоенные, хотя жизнь продолжала

зрелище, мы очень испугались. Когда закончилась бомбежка, мы впервые увидели «рамку» — так потом называли немецкий самолет-разведчик.

Придя домой, мы все узнали, что началась война. Сразу, как только началась ВОВ, в станице провели эвакуацию, то есть вывоз скота: коров, лошадей, овец в Казахстан, для того чтобы сохранить поголовье животных. Эвакуировали все колхозы.

Отца сразу забрали на войну. Я хо-

оставаться трудной. 46 лет я работала учителем физики и часто своим ученикам рассказывала свои воспоминания о войне и послевоенном периоде, о восстановлении страны. Дети всегда слушали с большим интересом.

Из воспоминаний Серафимы Солодовниковой

Родилась 22 декабря 1935 года, уроженка станицы Пролетарской. У нас в семье было трое детей.

Война, как же ее забудешь. Я очень хорошо помню, как началась война. Был обычный летний день, воскресенье. Мы с ребятами еще с утра пошли купаться на речку Чапрак. Мы плавали, и вдруг увидели какой-то самолет, который что-то сбрасывал вниз. Я по своей наивности сначала думала, что это какие-то непонятные шары, начала их считать. Через несколько мгновений позвучали оглушительные взрывы. Это была первая бомбежка в моей жизни.

Мы все очень испугались, ничего не поняв, быстро оделись и бегом домой. А в это время в четвертую школу попала зажигательная бомба, увидев это

рошо помню, как были растеряны все люди, повсюду царил паника и хаос. Нам сказали, что идут немцы и надо спрятать все пионерские галстуки, комсомольские значки и партийные билеты. Моя сестра была пионеркой, она спрятала свой пионерский галстук в трехлитровую банку, которую закопала рядом с домом. Когда закончилась война, галстук так и не нашли.

Летом 1942 года, то ли это был июнь, то ли июль, я точно не скажу, в станицу вошли немцы, карательные отряды, они были на мотоциклах. Их появление вызвало у нас любопытство и удивление. Во-первых, мотоциклы — такую технику никто никогда не видел, а во-вторых, они были без рогов, о которых нам рассказывали в каких-то бумажках еще с начала войны. Мы были уверены, что немцы — это не люди, а какие-то чудовища с рогами. С этих пор немцы стали ходить по всем дворам и забирать молоко, яйца, кур, разных животных. В уцелевшей части 4-й школы немцы организовали свой госпиталь, в кото-

ром работали и наши женщины, они выполняли самую грязную работу.

С лета 1942-го по январь 1943 года мы жили на оккупированной немцами территории. У нас в станице было развито партизанское движение. Партизаны прятались в камышах реки Чапрак, мы все знали об этом, так как они приходили к нам за едой. Одна женщина, которая работала при немецком госпитале в школе, боясь за жизнь своих троих детей, предала и выдала местонахождение партизан. Много было предателей среди своих станичников.

Все партизаны были расстреляны, их трупы еще долго оставались лежать. Немцы, чтобы запугать людей, запретили их хоронить. Так они и лежали до тех пор, пока не выгнали немцев из станицы. Но когда пришли наши, то женщину расстреляли, не пожалев ее детей.

Я отлично помню тот день, когда молодых девчат со всей станицы забирали из домов и угоняли на работу в Германию. Мы, все жители станицы, пошли к вокзалу их провожать. Весь вокзал был разбомблен, но железная дорога уцелела. Подошли вагоны, немцы дали свисток и всех женщин загнали в вагоны, повезли на работу. На вокзале начался рев, все плакали и кричали еще долго, толпа не расходилась, каждый думал, что, возможно, они расстанутся навсегда.

Тогда в станице ходили немецкие деньги — марки. Мы почти всегда были голодные: ели терн, дикий щавель и другую траву. Все дети спали на одной кровати, чтобы согреться, ведь стояли очень сильные морозы. Чтобы как-то разжечь дрова, нам приходилось с жестяной банкой ходить за керосином к вокзалу, где был разбомблен вагон с керосином. Мы собирали керосин на замерзшей земле, берегли его как зеницу ока.

Еще с самого начала ВОВ некоторых соседей забирали копать окопы для наших солдат. Кто здесь копал, а кого забирали в Подмоскowie.

Когда 20 января 1943 года выгнали немцев, то началось восстановление народного хозяйства. Во время войны я окончила первый класс, потом — бомбежки, мы долго не учились и лишь в апреле 1943 года я пошла в школу, но уже в третий класс.

В 1945 году по радио сообщили о нашей Победе. Мы всей школой пошли на демонстрацию, на центральную площадь. Здание магазина «Глория» — это было правительственное здание. Мы все пришли на площадь с портретами Ленина и Сталина, многие выступали на трибуне, было много слез радости и горечи. Все поздравляли друг друга.

Вокруг площади цвела сирень. Сирень для меня на всю жизнь — символ нашей Победы!

